

УДК 300.52.300.54

А. А. Панков,

кандидат социологических наук, доцент, докторант
кафедры социологии Института социальных наук
Одесского национального университета имени И. И. Мечникова
Дом. адрес: ул. Ицхака Рабина, 1, кв. 64, Одесса, 65076, Украина
Тел. (0482)64-19-65
E-mail: Pankov_al@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНФЕССИОНАЛЬНО-РЕЛИГИОЗНОЙ СТРУКТУРЫ И СМЕНА РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ФАКТОРЫ ИНТЕГРАЦИИ И ДЕЗИНТЕГРАЦИИ СОВРЕМЕННОГО УКРАИНСКОГО ОБЩЕСТВА

Статья посвящена анализу современных трансформаций конфессионально-религиозной структуры современного украинского общества. С этой целью уточняются понятия конфессии и конфессионально-религиозной структуры, выделяются основные этапы трансформации конфессионально-религиозной структуры украинского общества и предпринимается попытка выявить основные социальные условия, которые обуславливают такую трансформацию. Кроме того, демонстрируется смена религиозной идентичности жителей Украины на каждом из этапов трансформации конфессионально-религиозной структуры современного украинского общества.

Ключевые слова: конфессия, конфессионально-религиозная структура, трансформация, идентичность, интеграция, дезинтеграция.

Уже двадцать лет в Украине длится период активно декларируемого “возрождения” религии. Различные православные Церкви и другие религиозные конфессии с новой силой возобновляют (или, если точнее, уже возобновили) свою деятельность, часто с претензией на традиционность, укорененность в историю. Но Украина продемонстрировала и демонстрирует в настоящее время сложность исторического сосуществования различных религий, издавна функционирующих в стране. Эта сложность усугубляется, во-первых, появлением нетрадиционных для нашего общества религиозных объединений вследствие общемировых изменений в религиозной сфере (а именно, возникновение во второй половине XX века религий с новыми специфическими качественными характеристиками). Во-вторых, одним из основных результатов трансформации религиозной сферы общественной жизни современной Украины является постоянное увеличение внеконфессиональных, внеобщинных верующих.

И все эти “возрожденческие” и трансформационные процессы в религиозной сфере общественной жизни происходят в современной Украине на фоне экономических, политических, социальных, духовных неурядиц, что приводит или же, как минимум, может привести к усугублению конфессиональных конфликтов, последствия которых могут быть крайне неблагоприятными для дальнейшего развития независимого украинского

государства. Другими словами, религия потенциально и реально может выступать не только интегрирующим, но и дезинтегрирующим фактором в современном украинском обществе.

Исходя из того, что одним из факторов, задающих содержание общего процесса изменений в религиозно-конфессиональной структуре современного украинского общества, является трансформация массовой религиозности [см. 1–3], и одним из основных результатов трансформации массовой религиозности является феномен маргинализации религиозности [см. 4; 5], появляется опасение того, что социологи могут пренебречь сложностями исторического сосуществования различных религиозных конфессий и их современного взаимодействия. Однако исследования конфессионально-религиозной структуры современного украинского общества, её современных трансформаций и характерных для этих трансформаций смен религиозных идентичностей чрезвычайно актуальны.

Эти исследования предполагают интерпретацию основных положений и ключевых понятий для проведения анализа трансформации конфессионально-религиозной структуры украинского общества и объективную оценку перспектив развития религиозной идентичности большинства членов украинского общества.

Совершенно очевидно, что несмотря на все общемировые тенденции трансформации религии, которые характерны и для Украины, существует и сугубо украинская специфика взаимоотношений различных религиозных конфессий (например, различных православных юрисдикций), которая может и является потенциально конфликтной и, как уже было сказано, может быть крайне неблагоприятной для дальнейшего развития независимого украинского государства.

Разработка теоретико-методологического подхода к изучению современных трансформаций конфессионально-религиозной структуры украинского общества предполагает, прежде всего, уточнение понятия “*конфессионально-религиозная трансформация*”. В свою очередь, для этого необходимо определить категорию “*конфессия*” как религиозное направление, выработавшее самостоятельную догматически-идеологическую систему и объединяющее в некоторую целостность на ее основе религиозные организации и общины и входящих в них верующих. Кроме того, необходимо учитывать, что, как было отмечено выше, одним из основных результатов трансформации религиозной сферы общественной жизни современной Украины является значительное увеличение удельного веса присутствующих в конфессионально-религиозной структуре украинского общества внеконфессиональных, внеобщинных верующих. Именно сочетание конфессиональноориентированных и внеконфессиональных верующих и дает основание для использования понятия “*конфессионально-религиозная структура украинского общества*”. Это понятие, на наш взгляд, более корректное, нежели использовавшееся нами ранее понятие “*религиозно-конфессиональная структура*” [6].

Когда мы говорим о том, что период активно декларируемого “возрождения” религии в Украине длится уже двадцать лет, мы имеем в виду то,

что за точку отсчета современных изменений в религиозной сфере Украины можно принять 1988 год, хотя до восстановления независимости украинского государства оставалось ещё несколько лет. Именно этот год впервые очень ярко продемонстрировал наличие значительного религиозного потенциала в Украине, который старались не замечать советские идеологи, но который постепенно накапливался в ситуации фактического запрета конфессиональной активности. Именно в этот год начались активные процессы развития религиозных отношений, которые определили ситуацию в религиозной сфере в течение последующих трех-четырёх лет.

1988 год является знаковым, и это подтверждается двумя значительными событиями. Во-первых, празднованием тысячелетия крещения Руси, ставшим серьезной вехой, определившей поворот в отношении к религии как со стороны государства, так и со стороны большинства его граждан. Во-вторых, именно в этом году наблюдается стремительный рост количества новорегистрируемых общин по сравнению с предыдущими годами. Достаточно сказать о том, что Совет по делам религий при Совете Министров СССР в 1988 году дал разрешение на регистрацию 1070 новых общин. А еще годом раньше легализованных общин было в десять раз меньше — 104. При этом необходимо отметить, что уровень 1987 года демонстрировал господствующую тенденцию середины 1980-х годов.

Правда, отмечая значительное увеличение количества зарегистрированных в 1988 году общин, необходимо учитывать два обстоятельства. Во-первых, 75,6% зарегистрированных общин принадлежало Русской Православной Церкви (далее — РПЦ), которой государство максимально способствовало накануне юбилейных торжеств. Во-вторых, абсолютное большинство новых православных общин возникло в Западной Украине, где местные власти не только способствовали РПЦ в регистрации новых общин, но даже инициировали их стремительное увеличение, чем, по мнению некоторых религиоведов, стремились затормозить выход из подполья и последующее развитие Украинской Греко-Католической Церкви (УГКЦ).

Однако несмотря на эти обстоятельства, именно начиная с 1988 года, проявляется тенденция к качественной трансформации конфессионально-государственных отношений. Именно этот год стал годом начала раскрепощения официально признанных в то время конфессий и свободного изъяснения религиозных убеждений верующими тех конфессий, которые до этого существовали подпольно или полуподпольно (УГКЦ, Общество свидетелей Иеговы, некоторые протестантские направления и православные общины сектантского типа, в частности, так называемые “катакомбные” православные Церкви) или только начинали возрождаться (Украинская Автокефальная Православная Церковь (УАПЦ), Христиане Веры Евангельской (ХВЕ)). И наконец, похоже, что именно в 1988 году государство начало, наконец-то, понимать бесперспективность политики постоянного и тотального вмешательства в религиозную сферу общественной жизни.

В следующем — 1989 году произошло два события, во многом предопределивших специфику развития конфессионально-религиозной структуры

современного украинского общества. Вторая половина 1989 года прошла под знаком возрождения УАПЦ и выхода из подполья УГКЦ.

Все события, происходившие в религиозной сфере общественной жизни Украины в 1988–1989 годах, предопределили, во-первых, то, что тенденции, находившиеся в эти годы в начальном состоянии, в течение следующего этапа трансформации конфессионально-религиозной структуры украинского общества — в 1990–1992 годах — проявили себя уже в полной мере, существенным образом повлияв на последующее изменение конфессиональных приоритетов на Украине; во-вторых, эти события обусловили то, что значительная часть жителей Украины начала конфессионально идентифицировать себя с православием. В данном случае религия в очередной раз проявляет свою амбивалентную природу, демонстрирующую как интегрирующую, так и дезинтегрирующую функции. С одной стороны, общество интегрируется благодаря тому, что большинство его членов идентифицируют себя с православием. С другой же стороны, в этот период в Украине активизировались и другие религиозные конфессии, которые ощущали определенный (хотя и очень осторожный) протекционизм в отношении православия со стороны государства. Это не могло не создавать потенциальные возможности для дезинтеграции как конфессионально-религиозной структуры, так и украинского общества в целом.

1990–1992 годы являются наиболее активным этапом в развитии межцерковных отношений в современной Украине. Возникают новые общины уже функционировавших в Украине религиозных конфессий, а также — общины, представляющие новые, проникающие с Запада протестантские направления и многочисленные нетрадиционные религиозные движения (НРД). При этом отношения между различными религиозными конфессиями часто характеризуются жестким, иногда даже силовым противостоянием — например, захватами и последующей юрисдикционной переориентацией храмов.

С января 1990 года Украинский экзархат РПЦ получил новый статус — автономного образования в составе РПЦ — и новое название — Украинская Православная Церковь — УПЦ. Для более четкого отмежевания УПЦ от других действующих в Украине православных юрисдикций в ее названии принято также употреблять вторую поясняющую часть — УПЦ Московского Патриархата — УПЦ МП.

Среди других фактов религиозной жизни Украины в 1990–1992 годах наибольшую и весьма неоднозначную известность приобрело образование в июне 1992 года Украинской Православной Церкви Киевского Патриархата (УПЦ КП). После легализации УГКЦ, возрождения УАПЦ и приобретения автономного статуса УПЦ МП это событие стало четвертым среди всех других событий по степени значимости для дальнейшего развития религиозных отношений в Украине.

Следует также отметить, что религиозная активность 1990–1992 годов была характерна не только для традиционных украинских церковных объединений (одни из них, в частности — УАПЦ и УПЦ КП, значительно усилили свои позиции, другие же, в частности — УПЦ МП, напротив, ослаби-

ли свое влияние в целом ряде украинских регионов), но и для множества мелких деноминаций и новообразованных религиозных групп. Религиозная активность всех этих Церквей, деноминаций и групп нередко приводила к межконфессиональным конфликтам. Враждебность во взаимоотношениях определяла характер взаимодействия, прежде всего, между, как уже было сказано выше, сторонниками различных православных юрисдикций. Здесь следует вспомнить о том, что, как отмечает В. И. Гараджа, наиболее острый межконфессиональный конфликт возникает “на основе комплекса самоидентификации посредством размежевания с “чужим”, но близким “чужим” [7, с. 192].

Кроме того, в этот период воспроизводился достаточно традиционный конфликт между православием и католицизмом, а также конфликт был основным вектором взаимоотношений между православием и католицизмом, с одной стороны, и протестантизмом, множеством псевдохристианских сект, деноминациями восточного происхождения, религиозными группами эклектического характера, с другой стороны. Наконец, напряженность была характерна и для взаимоотношений внутри каждой из религиозных группировок (например, между историческим и новейшим протестантизмом). Что касается проблемы религиозной идентичности, утверждающейся в сознании большинства населения Украины, то следует отметить, что во-первых, она по-прежнему являлась в эти годы (и остается таковой и поныне) культурно-православной. Вместе с тем в результате ожесточенных боев (как в переносном, так вполне в самом буквальном смысле) различных религиозных конфессий за перераспределение в Украине конфессиональных приоритетов у населения нашей страны начало формироваться представление о конфессиональной многовариантности украинского государства. Разумеется, это представление не могло не быть крайне противоречивым и непоследовательным, поскольку крайне противоречивой и непоследовательной была в эти годы (как, впрочем, и во все последующие) государственная политика в отношении религии. Государство, которое в конце 1980-х годов существенно ослабило свое вмешательство в религиозную сферу общественной жизни страны, в период 1990–1992 годов заняло протекционистскую политику по отношению к возрожденной УАПЦ и вновь образованной УПЦ КП. Мотивы подобной политики государства по отношению к этим Церквям понятны — и УАПЦ и УПЦ КП, несмотря на острые противоречия между ними, разделяют одни и те же идеолого-политические позиции, а именно — стремятся к автокефалии. Конечно, в независимом государстве, каковым в 1991 году опять стала Украина, может быть независимая Церковь. Хотя всё-таки не всегда может и не всегда должна быть. Но основной вопрос сейчас состоит в другом — а есть ли реальные предпосылки для возникновения в Украине в ближайшее время автокефальной (имеется в виду — единой) православной Церкви? И уж тем более — были ли такие предпосылки в 1991–1992 годах? Думается, что ни сейчас, ни тем более в 1991–1992 годах таких предпосылок не было и нет.

Следует отметить, что украинское государство по-прежнему занимает непоследовательную политику по отношению к различным православным

церковным юрисдикциям. Эта политика имеет “маятниковый” характер, то есть государственная протекционистская политика осуществляется по отношению то к одной, то к другой православной юрисдикции. В результате этой политики различные православные юрисдикции озабочены прежде всего реализацией своих претензий на то, чтобы стать фактически официальной конфессией.

Таким образом, в этот период православно-культурная идентификация большинства населения Украины оказалась “разорванной” между различными православными юрисдикциями. Государственный протекционизм в отношении этих юрисдикций начал принимать очень откровенные, хотя и “маятниковые” формы. В результате начался кризис православия, который привел к усилению в Украине различных протестантских направлений и многочисленных нетрадиционных религиозных движений. Между различными православными юрисдикциями, а также — между православием в целом и другими традиционными для Украины религиозными конфессиями, с одной стороны, и протестантскими направлениями и НРД, с другой, и, наконец, внутри этих протестантских направлений и НРД установилось жесткое, иногда даже силовое противостояние. Разумеется, это не могло не привести к известной дезинтеграции конфессионально-религиозной структуры украинского общества. Но в то же время у населения нашей страны начало формироваться представление о конфессиональной многовариантности украинского государства.

Следующий этап изменений в конфессионально-религиозной структуре украинского общества приходится на 1993–1997 годы. Начавшиеся раньше процессы трансформации конфессионально-религиозной структуры в течение этого этапа получили частичное завершение. При этом начала прослеживаться тенденция к снижению наиболее острых конфликтов и постепенной нормализации конфессиональной жизни. Всё больше украинских граждан начали соглашаться с мыслью о конфессиональной многовариантности своего государства.

Одним из наиболее характерных религиозных явлений, во многом определяющих конфессионально-религиозную структуру украинского общества на данном этапе её трансформации, выступают нетрадиционные религиозные движения (НРД). Существует немало классификаций НРД, но в самом общем виде можно сказать, что нетрадиционными следует называть религиозные учения, которые исторически не передавались от предыдущих поколений, которые не укоренены на данной территории и получили значительное расширение вследствие миссионерства проповедников. Хотя и те религии, которые являются традиционными, также когда-то получили своё расширение вследствие миссионерства проповедников. Следует отметить, что появление новых или активизация уже существующих НРД является реакцией на общий кризис украинского православия, о котором еще будет сказано ниже более подробно.

В данном случае можно сказать, что в этот период у населения нашей страны фактически окончательно сформировалось представление о конфессиональной многовариантности украинского государства, невзирая на все

попытки представителей православия и некоторых СМИ создать негативный образ НРД.

Четвертый — новейший этап трансформации конфессионально-религиозной структуры украинского общества приходится на 1997–2008 годы. Для него характерен спад динамики численного роста различных религиозных организаций в Украине. К причинам этого спада можно отнести так называемое “насыщение” состава этих организаций, то есть можно предположить, что религиозные организации в 1997–2008 годах уже “выбрали” всех своих последователей. Более того, в настоящее время уже можно говорить даже о маргинализации религии по отношению к обществу и, соответственно, маргинализации религиозно-конфессиональной структуры по отношению к социальной структуре общества в целом. Проявляется эта маргинализация в значительном увеличении удельного веса присутствующих в конфессионально-религиозной структуре украинского общества так называемых “внеконфессиональных верующих”, то есть тех верующих, которые не хотят или не могут отнести себя ни к какой определенной конфессии. Так же, как и в случае с появлением новых или активизацией уже существующих НРД, внеконфессионализация религиозности является реакцией на общий кризис украинского православия.

Этот кризис проявляется в нескольких аспектах. Во-первых, в разделении православной Церкви на два основных разветвления — московского и киевского подчинения. Хотя православных юрисдикций, находящихся друг с другом в очень непростых взаимоотношениях в современной Украине значительно больше. Их насчитывается не меньше десяти. Здесь можно назвать и исторические русские старообрядческие Церкви (белокриницкого и беспоповского согласий), и несколько парафий, подчиненных непосредственно Московскому Патриархату, и общины Элладской (Греческой) Церкви, и общины, находящиеся под омофором РПЦ за рубежом (часть из них объединилась с РПЦ, оставаясь автономной, а часть отказалась объединяться), и несколько локальных православных образований (например, общины иннокентиевцев, Истинно-православные Церкви, Апостольская Православная Церковь), и псевдоправославные образования (например, Богородичная Церковь).

Во-вторых, кризис украинского православия проявляется в конфликтах внутри УАПЦ. В настоящее время оформилось несколько независимых одноименных церковных образований, которые являются антагонистами в отношениях друг с другом.

В-третьих, общий юрисдикционный раскол православия усложнен возникновением антагонистических движений внутри УПЦ МП. Однако противоречия внутри УПЦ МП пока еще удается удерживать в рамках формально монолитной церковной структуры. Одна часть епископата (преимущественно это архиереи, представляющие западно- и центрально-украинскую паству) во главе с самим предстоятелем УПЦ МП считает, что эта проблема образования единой автокефальной православной Церкви в Украине тормозит нормальное развитие православия в нашей стране, а поэтому нуждается в скорейшем положительном разрешении с соблюдением всех канонических правил получения автокефалии от материнской

Церкви — РПЦ. Другие иерархи (в большинстве, восточно- и южноукраинских епархий) отрицательно относятся к перспективе образования единой автокефальной православной Церкви в Украине. В связи со столь разным пониманием этой проблемы в УПЦ МП весьма вероятно углубление идеологического раскола, который, в свою очередь, может привести к очередным организационным потрясениям. И этот раскол, следуя азам менеджмента риска, ни в коем случае нельзя провоцировать. Если он произойдет, это отнюдь не послужит на пользу украинскому обществу. Значительная часть украинского православия по-прежнему будет выступать за единство с РПЦ и будет делать это более радикально, нежели сейчас. Поэтому, на наш взгляд, следует признать, что сейчас в Украине ситуация с различными православными юрисдикциями предельно схожа с той ситуацией, которая сложилась с российскими православными структурами, оказавшимися в эмиграции после 1917 года. Тогда “в разных странах Европы начали свое существование три параллельные русские православные юрисдикции — зарубежная (“карловацкая”), западно-европейская (“евлогийская”), московская (“сергийская”)” [8, с. 30]. Церковное руководство этих юрисдикций накладывало взаимные прещения на все духовенство, подчиняющееся той или иной другой юрисдикции. Но как было показано самой историей, с этими прещениями в большинстве случаев мало кто считался, даже среди тех, кто принял решение об их применении. Поэтому в конце концов стало возможным объединение большинства русских православных приходов, находящихся за границей под единым церковным началом. Мы полагаем, что в ходе достаточно сложной и длительной эволюции взаимоотношений между различными украинскими православными юрисдикциями произойдет и их объединение. А подталкивание к искусственному и в настоящий момент противоестественному объединению этих юрисдикций в некую Поместную Православную Церковь только отдалит их от реального объединения и окончательно дезинтегрирует религиозную жизнь в Украине.

Долгое время существования православной Церкви в качестве официального общественного и даже государственного института никак не способствовало выработке у православных священнослужителей умения демонстрировать преимущества своего вероисповедания перед вероисповедными системами других конфессий. Последние же пользуются более тонкими и отвечающими духу сегодняшнего дня миссионерскими приемами и делают все возможное для распространения своего влияния на “традиционно православные” территории. Эту слабую сторону православия по сравнению, например, с протестантизмом мы уже отмечали [см. 9].

Результатом слабой активности православия является то, что несмотря на то, что 80% от числа называющих себя в ходе социологических исследований верующими принадлежат к православию, эта принадлежность является достаточно условной — традиционной, самоидентификационной. Процент воцерковленных или практикующих христиан среди православных много ниже, нежели среди католиков или протестантов. Это — не более 7% от тех, кто вообще называет себя православными.

О более высоком уровне воцерковленности верующих, принадлежащих к католической Церкви, по сравнению с верующими, принадлежащими к православной Церкви, пишет О. Б. Иванкова-Стецюк [см. 10]. Следует отметить также, что на фоне кризисных явлений в православной среде значительно более убедительными представляются успехи двух ветвей католической Церкви — УГКЦ и Римо-Католической Церкви (РКЦ) — в восстановлении утраченных ею в прошлом позиций. РКЦ в частности за последние полтора десятилетия, более чем в 6 раз увеличила количество парафий. И поэтому вполне справедливо утверждение А. В. Доброера о том, что “в настоящее время РКЦ является <...> заметным “игроком” на поле государственно-религиозных отношений” [11, с. 188].

В настоящее время наблюдается и относительное укрепление позиций протестантизма, который в недалеком будущем может стать самой многочисленной конфессиональной группой (по количеству общин, но не по количеству верующих) в юго-восточной Украине, которая, впрочем, всегда была в силу исторических особенностей развития этого региона (а отнюдь не в силу, как считают некоторые социологи, разрыва генетических связей с традиционными формами религиозности) наиболее “протестантским” регионом Украины. Если в западных областях количество протестантских организаций редко где превышает 30% от общего числа общин (наиболее низкие показатели в Галиции — 7—9%), то в центральных, восточных и южных областях их удельный вес в конфессиональной структуре регионов в несколько раз значительнее. Однако количественное доминирование протестантских общин, на наш взгляд, никогда не приведет к превалированию протестантских форм религиозности. Несмотря на утрату непосредственных религиозных корней населением Украины и отсутствие постоянной религиозной практики большинством населения, а также — на то, что протестантизм склонен к “активній порівняно з традиційними релігійними організаціями місіонерської діяльності по рекрутуванню нових членів” [12, с. 181], в силу традиции население Украины продолжает идентифицировать себя как православных верующих. Хотя нельзя не отметить, что даже относительное укрепление позиций протестантизма по-прежнему вызывает активное противодействие традиционных для Украины религиозных организаций.

Однако главными результатами трансформации конфессионально-религиозной структуры украинского общества в новейший этап этой трансформации являются, как мы говорили выше, спад динамики численного роста различных религиозных организаций в Украине и значительное увеличение в качестве структурного элемента конфессионально-религиозной структуры украинского общества “внеконфессиональных верующих”. Именно эта позиция конфессионально-религиозной структуры украинского общества, по нашему мнению, будет в дальнейшем усиливаться. Поэтому уже сейчас ведется активный поиск адекватной терминологии для определения этого религиозного феномена. Помимо “внеконфессиональной” религиозности предлагается, например, такой термин как “диффузная” религиозность [см. 13]. Можно даже сказать, что современная религиозность находится в поиске своей идентичности [см. 14]. Но, возможно, именно внеконфес-

сиональная, внеобщинная или диффузная религиозная идентичность как основная в обществе станет в будущем основой общественной интеграции.

В заключение следует отметить, что трансформация конфессионально-религиозной структуры украинского общества прошла ряд этапов. Смена каждого из этих этапов сопровождалась сменой той или иной религиозной идентичности, которая в свою очередь выступала и выступает фактором интеграции и дезинтеграции современного украинского общества.

Литература

1. Панков А. А. Современные трансформации религиозного сознания и религии как социального института // Проблемы розвитку соціологічної теорії. Матеріали першої Всеукраїнської соціологічної конференції. — К., Соціологічна асоціація України, Інститут соціології НАН України, 2001. — С. 218–224.
2. Панков А. А. Основные тенденции современной трансформации религиозного сознания и перспективы их социологического изучения // Проблемы розвитку соціологічної теорії. Соціальні процеси в Україні. Матеріали четвертої Всеукраїнської соціологічної конференції. — К., Соціологічна асоціація України, Інститут соціології НАН України, 2004. — С. 381–385.
3. Панков А. А. Современные трансформации христианского сознания // Соціологічні дослідження: Збірник наукових праць. № 1(4). — Луганськ, 2004. — С. 90–97.
4. Панков А. А. Проблема маргинализации религии в современном украинском обществе // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства. Збірник наукових праць. — Харків, 2004. — С. 379–382.
5. Панков А. А. Маргинализация религиозности как основной результат трансформации религии в современном украинском обществе // Компаративістські дослідження релігії. Вип. 6. Історико-філософські та соціальні аспекти релігієзнавства / Одеський національний університет ім. І. І. Мечникова: Науково-дослідницький центр “Компаративістські дослідження релігії”. — Одеса: Наука і техніка, 2007. — С. 111–119.
6. Панков А. А. Особенности трансформационных процессов в религиозно-конфессиональной структуре современного украинского общества // Інновації в технології та методології наукового пізнання. Матеріали міжнародної наукової конференції 26–27 жовтня 2006 р. — Одеса: Південноукраїнський державний університет ім. К. Д. Ушинського, 2006. — С. 43–45.
7. Гараджа В. И. Социология религии. — М.: ИНФА-М, 2005. — 348 с.
8. Нивьер А. Русское духовенство в рассеянии // Нивьер А. Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе. 1920–1995: Биографический справочник. — М.: Русский путь; Париж: YMCA-Press, 2007. — С. 16–42.
9. Карпущина А. Г., Панков А. А. Проблемы воздействия христианских проповедей на современное украинское общество (социологический аспект) // Харьковские социологические чтения–98. Доповіді та повідомлення учасників. Харків, 1998. — С. 291–294.
10. Иванкова-Стецюк О. Б. Регіональні особливості інкультурації української молоді в контексті інституційних трансформацій Церкви // Вісник Одеського національного університету. Том 12. Вип. 6. Соціологія і політичні науки. — Одеса: ОНУ ім. І. І. Мечникова, 2007. — С. 148–154.
11. Доброер А. В. Римско-католическая церковь юга Украины в процессе трансформаций // Вісник Одеського національного університету. Том 12. Вип. 6. Соціологія і політичні науки. — Одеса: ОНУ ім. І. І. Мечникова, 2007. — С. 184–190.
12. Миронович Д. В. Особливості механізму релігійної конверсії (на прикладі неопротестантських груп) // Вісник Одеського національного університету. Том 12. Вип. 6. Соціологія і політичні науки. — Одеса: ОНУ ім. І. І. Мечникова, 2007. — С. 175–183.
13. Панков А. А. Проблема формирования диффузной религиозности // Соціально-економічні, політичні та культурні оцінки і прогнози на рубежі двох тисячоліть. Матеріали III Міжнародної науково-теоретичної конференції студентів, аспірантів та молодих вчених: м. Тернопіль, 15 квітня 2005 року. — Тернопіль, 2005. — С. 38–39.

14. Панков А. А. Современная религиозность в поисках идентичности // Вісник Одеського національного університету. Том 12. Вип. 6. Соціологія і політичні науки. — Одеса: ОНУ ім. І. І. Мечникова, 2007. — С. 141–147.

О. А. Панков,

Одеський національний університет ім. І. І. Мечникова,
Інститут соціальних наук, кафедра соціології
Французький бульвар, 24/26, к. 40, Одеса, 65058, Україна

ТРАНСФОРМАЦІЯ КОНФЕСІЙНО-РЕЛІГІЙНОЇ СТРУКТУРИ ТА ЗМІНА РЕЛІГІЙНОЇ ІДЕНТИЧНОСТІ ЯК ФАКТОРИ ІНТЕГРАЦІЇ ТА ДЕЗІНТЕГРАЦІЇ СУЧАСНОГО УКРАЇНСЬКОГО СУСПІЛЬСТВА

Анотація

Стаття присвячена аналізу основних трансформацій конфесійно-релігійної структури сучасного українського суспільства. З цією метою уточнюються поняття конфесії та конфесійно-релігійної структури, виділяються основні етапи трансформації конфесійно-релігійної структури українського суспільства і робиться спроба виявити основні соціальні чинники, що зумовлюють таку трансформацію. Крім того, демонструється зміна релігійної ідентичності жителів України на кожному з етапів трансформації конфесійно-релігійної структури сучасного українського суспільства.

Ключові слова: ідентичність, конфесійно-релігійна структура, трансформація, інтеграція, дезінтеграція.

O. A. Pankov,

Odessa National I. I. Mechnikov University,
Institute of Social Sciences, Department of Sociology
24/26 French Boulevard, r. 40, Odessa, 65058, Ukraine

THE TRANSFORMATION OF CONFESSIOAL AND RELIGIOUS STRUCTURE AND THE CHANGE OF THE RELIGIOUS IDENTITY AS THE FACTORS OF INTEGRATION AND DISINTEGRATION OF MODERN UKRAINIAN SOCIETY

Summary

The matter of the article concerns the study of the main transformations in confessional and religious structure of modern Ukrainian society. For that purpose the concepts of confession, confessional and religious structure are defined more exactly. The basic stages of Ukrainian society's confessional and religious structure transformation are traced and also there is an attempt to reveal the social factors of such transformation in the article. Besides, the changes in religious identity of Ukrainians at each stage of confessional and religious structure transformation are shown.

Key words: identity, confessional and religious structure, transformation, integration, disintegration.